

Зико

"Бедная, бедная Зико..." — Дайнур запрокидывала голову и воздевала руки к небу... В тесной толпе вокруг нее сохранялось свободное пространство: люди сторонились юродивой, которая, по слухам, наводила порчу.

"Бедные! Бедные мы!" — горестно басил с двухметровой высоты бородатый оборванец Торибал. Он скреб подмышки и отирал руки о майку, пропитанную потом.

"Ах, зачем ты бросила нас?" — поочередно завывали три старые девы в черных платках, и тела их сотрясались от всхлипов.

"Благородный мой... — Дайнур остановилась против бездомного пса, присевшего по нужде на кромке выгоревшей клумбы, — воздай прощальные почести Зико! Ты же друг человечества..."

"Я понимаю, почему молчал я, но почему молчали другие? — возмущался мужчина в черном мундире перед катафалком. — Сначала они отобрали у меня власть, а теперь — мечту! Все, кому дороги..." Он понапрасну вертел головой.

В середине процессии шествовал оркестрик из пяти человек и двух попугаев, которые равномерно вздрагивали на жерди, переброшенной между правым плечом флейтиста и левым старика с литаврами. Дама в матросском костюме виляла контрабасом на колесике и время от времени припадала к струнам верхней частью тела, отчего звуки застревали внутри дамы. По обе стороны контрабаса выдували из меди одинаковые ноты разноцветные близнецы. А поверх голов кружил шмель, выискивая нужное лицо...

Толпа редела. На подходе к спуску продолжали скорбный путь лишь Дайнур и Торибал. За ними устало тянулись музыканты. Замыкал ход пес. Он плелся с опущенной головой, вынюхивал по дороге невидимые следы и качал хвостом. Иногда задира морду и щелкал челюстями, пытаясь ухватить жужжащего шмеля. Попугаи после каждого удара медных тарелок шумно били крыльями и вскрикивали разгульное "Опа!".

Навстречу процессии по узкому спуску Милагро шел Студент с томиком Монтеня. Поравнявшись с катафалком, он остановился. Шмель завис над головой студента, облетел его и сел на книгу.

Монтень был подарком Филеты. Ей хотелось оставить себя Студенту, но у него за душой всего-то был университетский заем. Поэтому Филета себя оставила себе. При расставании она сунула Студенту книгу, залежав-

щуюся с прошлого года, когда в "блудоловку" попался университетский профессор.

Тогда Бодин грохнул кулаком по незапертой двери и, сдерживая смех, заорал, что жутко отомстит за "оскорбление постели". Ученый муж, как и предшественники, в страхе вскарабкался на подоконник распахнутого окна и прыгнул в спасительную темноту улицы... Филета притворно заметалась по комнате, подхватила в охапку одежду и выбросила ее вдогонку жертве...

Благодаря накатанному приему к ним переходило все, что снималось с клиентов под пылкий шепот и метания торопливых рук. Верхняя доска тумбочки, на которой ожидали хозяев часы, зажигалки, портмоне, посередине имела разрез; при повороте ручки на задней стенке тумбочки створки опускались вовнутрь, и все предметы на поверхности ссыпались в потайной ящик; затем пружина возвращала створки в первоначальное положение. Идея "блудоловки" принадлежала Бодину, но успех предприятия обеспечивали прелести искусной Филеты.

Монтень среди полезных приобретений был недоразумением, но не выбрасывать же его потому, что он скучен. Вот подвернулся Студент, погрузился в творение француза, и щедрость Филеты получила достойное признание.

Они столкнулись на лестничной площадке парадного, в котором снимала квартиру Филета. Там же проживал хозяин ресторана "Утоленное чрево", нанявший Студента обучать сына латыни.

В тот памятный день Студент съехал по перилам с третьего этажа... На втором пролете в его ягодицу вонзилась заноза от недавно вырезанного "здеся жевут суки". Корчась от боли, он оголил низ, чтобы вытащить щепку. Малейшее прикосновение подвергало волю жуткому испытанию...

Филета, войдя в парадное, нащупала ключ в сумочке и подняла глаза... С верхней площадки на нее испуганно глядел молодой человек со спущенными штанами и скрещенными ладонями... Она обошла его, увидела рану и тут же приложила руку... Заноза была извлечена, но проступила кровь, и Филета настояла на дезинфекции... Со все еще спущенными штанами Студент по-пингвиньи последовал за ней... В спальне она велела ему лечь на живот. Наконец, разрешила перевернуться — и склонилась над ним в распахнутом пеньюаре.

...Знойный день сменился тихим вечером. Над побережьем разносилось завывание койотов, спускавшихся с гор Санта-Ольгасаны. При подходе к порту загорелся танкер, а на другом конце света, в Динозии, прогре-

мел взрыв в ночном клубе... Зико успела предсказать все происходящее в мире, включая собственное исчезновение. И не было ничего нового в том, что армия рокейских студентов, уставших от выпивки и караоке, перешла к национальной забаве — уличному протесту против чего-то риканского, а пластиковые щиты и дубины привычно молотили их ребра. Лучше бы они пили... Но по Зико, им еще предстояли коллективные подвиги...

"Зико, откуда ты взяла, что нас развращают твои услуги? Мы отвернулись от тебя потому, что ты предала нас! Ты отказалась пророчествовать и занялась политикой. Скажи, кому нужна мечта, которая перестала исполняться? Могла бы хоть притвориться... Но ты надумала преобразить нас нравочениями, забыв, что решать-то нам!

Да, твои откровения вызывали интерес. В одном Уселе, которому ты едва уделила страницу, были проданы 3 миллиона твоих книг. Рокейцы все не могут усвоить, как ты могла предугадать появление антимвислей именно у них, ведь кто как не они должны быть благодарны риканцам за помощь. Но от одного этого неприязнь к риканцам только растет.

Спустя год после похорон риканский посол в Тепигете решил купить древний памятник твоей прапрабабке с такими же сросшимися бровями, как у тебя, и перевезти его в Рику, но тепигтяне всегда играли двойную роль и, кроме того, они боялись продешевить. Если бы наисправедливейшее правительство Дамаксинии не вмешалось, памятник установили бы на твоей могиле, но Дамаскинния на всякий случай организовала несколько взрывов на территории Зиария в защиту мира. И тогда все мы и немые планеты привычно осудили Зиариль за агрессивные действия в ответ на миролюбивые взрывы. А Рика оказалась в изоляции...

Ты не поверишь, Зико, твою шутку "Прозрение — в слепой вере!" мусуляне сделали своим главным лозунгом. Правда, они отказались переводить твои пророчества на рибабский, объявив их происками Зиария, подкупившего тебя, твоих издателей и тех, кто читает твои книги..."

— Господин Студент, — Профессор откинулся на спинку кресла и снял очки, — Зико, она кто?

— Мечта, Профессор.

— Мечта? Хм... Зачем же ее похоронили?

— От безысходности, Профессор... Она как бы перестала работать...

То есть мечтать продолжали, только ничего из того не получалось...

— Ах, вон оно что... Понятно... Хотя, знаете, дорогой, в ваших размыш-

лениях не улавливается... И потом, ссылки на Монтеня малоубедительны. Также непонятно, почему вы увлеклись чтением, следуя за гробом по спуску вверх? Ведь вы шли вниз! И монолог о том, где нас любят, а где нет... Зачем отправляться так далеко? Послушали бы моих университетских коллег!.. Далее, что общего между Зугрией и Ронвегией?..

Вы о Зугрии почему-то пишете как о многовековом государстве... в то время как о ней следует писать как об историческом курьезе...

И, наконец, не кажется ли вам, что без мечты жизнь нормальнее? Мечта — продукт распада действительности, эдакое ускользание ума в надуманное... А жизнь требует работы и терпимости к рутине. На мой взгляд, вы явно перехватили...

— Мне хотелось осмыслить...

— Ах, милый мой, и вы решили предложить ваши выводы человечеству. Только оно в них не нуждается... Человечество вообще ни в чем не нуждается, кроме профилактического кровопускания... Я бы на вашем месте не бросался под колеса истории. Напишите что-нибудь свое... Про будоражащие плоть мысли... О том, как у вас первый раз было с женщиной... или, может, с мужчиной?

— С женщиной... С удивительной женщиной... Профессор, я знаю, у всех влюбленных происходит одно и то же, но мне кажется, что я счастлив по-особому...

— Насчет счастья позвольте будущему внести ясность... По той же причине монологи лучше сжечь уже сегодня.

— Спасибо, Профессор... Я подумаю... Всего хорошего.

— До свиданья, дорогой... До свиданья...

"Зико, тебя хоронили на Ралитонском кладбище в тот самый момент, когда Президент поднял букет, сиротливо лежащий у мраморного столбика. Камера крупным планом выхватила Президента, слезно закусившего нижнюю губу, и устремилась к цветам, которые, по сценарию, президентская рука деликатно вставила в пластиковый стакан. Страна умилилась. Страна никогда не устает умиляться!

Съемки Президента отвлекли нас от тебя, Зико, но едва отъехал его лимузин, мы вернулись к нашей скорби: "Бедная, бедная Зико!.. То есть тебе уже все равно...

Я всегда отмечал двусмысленность в твоих пророчествах. Ну, почему куцей Ронвегии ты дала так много, а великой Зугрии не досталось ничего, кроме украденных Ягуаров и обещаний избыть обнищание! В Билитиси

нет света и тепла, а в Олсо жизнь течет степенно и сыто даже холодной зимой... Неужели фьорды лучше южных гор? Твои доводы о том, что будущее строится на основе настоящего, нелепы! Ты что же, винишь нас за то, что случится после нас?

В одном из свитков твоей рукой написано, что в Тикае надолго сохранится терминологическая шелуха бродячего Призрака, но ее употребление — дань имперской традиции, потому что тикайцев, прежде всего, интересует капитал. Но в другом твоём утверждении записано, что в Тикае принята незаконная власть. Стало быть, ты сама себе противоречила, а раз так, то цена твоим пророчествам — сама понимаешь!

Зико, тебе остается винить только себя! Для чего ты внушала, что перемены ведут к лучшему? Твои несостоятельные посулы оттолкнули тех, кто верил в тебя. И не притворяйся мертвой оттого, что лежишь в могиле! Тебя похоронили, чтобы не раздражала... Зачем ты спрашивала, куда мы смотрим! Ты ведь знала, что наше мировоззрение косит. Иначе как нам жить с постоянными изломами? "Все в длинной очереди за счастьем, а товару мало..." Это твои слова!"

— Господин Студент, я нашла в мусорной корзине вашу сказку про соловья и розу. Она мне так понравилась, что я не решилась ее выбросить...

— Спасибо, госпожа Смотрительница, но сказка не моя. Я переписал ее у Оскара Уайльда. Думал, смогу набраться стиля и мыслей...

— Чего, вы сказали, набраться?..

— Стиля... Стиля и мыслей... Понимаете?

— Нет. Вы можете объяснить?

— Ах, если бы!

"Зико, ты была права! В Будашпете лучшие пирожные опять пекут в кафе у Оперного театра. Как быстро вернулись из забвения рецепты кондитеров. Только на собственных мерзавцев не хватило памяти... И сооружают монументы жертвам на средства, собираемые с их ненавистников... Все пострадавшие от Призрака заняты ревизией истории с точки зрения выгоды сегодняшнего рынка. Этого в твоих предсказаниях не было, Зико".

После похорон Дайнур отошла от могилы, у которой по-прежнему рыдал Торибал, и побрела к столбику с президентским букетом. Ее опередил пс. Он подбежал к цветам и поднял лапу. Дайнур кинулась к собаке и попыталась оттянуть ее за хвост. Тогда-то и произошло теперь уже знаменитое со-

бытие, описанное во всех учебниках по психиатрии и обществоведению. Пес зарычал, бросился на Дайнур и вонзил клыки в ее икроножную мышцу.

Дайнур вскрикнула... и полностью пришла в сознание! Она удивленно разглядывала морщинистые руки, грязную блузу и шершавые ступни в босоножках разных моделей. Когда подospel заплаканный Торибал и оттащил собаку, Дайнур в ужасе отпрянула от великана и побежала прочь. Остановилась она на углу далекой улицы, на которой жил старший брат, но узнать его дом не смогла...

В тот же день в "Старбаке" она подобрала газету и стала искать объявления о найме. Одно привлекло ее внимание: отелю в курортном городке требовалась дама средних лет для демонстрации купальников.

С клочком газеты она отправилась на Океанский бульвар, где по уикендам очередная кинозвезда высаживала десант опеки над бездомными, обеспечивая их горячей едой и мелкой наличностью на наркотики и презервативы.

Ровно в четыре из рук мужчины в комбинезоне Дайнур получила корбнку с горячей едой и бутылку содовой. Устроившись на скамье, начала есть... а мгновение спустя заорала от боли в животе и свалилась на землю. Знаменитость подбежала и приложила ко лбу страждущей тонкую руку в перчатке...

Через двенадцать минут карета скорой помощи доставила бездомную в роскошный госпиталь Санта-Ольгасаны.

На следующий день, так и не установив причину колик, Дайнур выпи-сали. За нею заехала сама дива и повезла ее к себе в поместье, где все уже было готово для съемки фильма о попечительской деятельности хозяйки. Дайнур было отведено четыре минуты на воспоминания о дружбе с опе-куншей. Затем ей вручили конверт с наличными, сумку с новой одеждой и водительское удостоверение на имя Исабель дель Прадо Гарсиа. Она подписала бумагу об отсутствии претензий к еде и обязалась увезти соба-ку, которая бегала вокруг поместья и безостановочно лаяла.

"Пегая борзая"* доставила Дайнур и пса к южной границе штата, где расположился крохотный курорт на триста два дома и одну гостиницу.

Название "Лазурное Вымя" городок получил за голубые рассветы и знаменитую породу коров, копыта которых расходились на сувениры. Последние можно было купить с видами городка, барышень в бикини и бывших президентов... Благодаря копытному промыслу городской бюд-жет умудрялся держаться на ногах.

* Автобусная компания междугородних маршрутов.

Место купальной модели заняла теща отельного менеджера. Дайнур не пала духом. Городок ей понравился; она решила остаться. В сопровождении пса Дайнур посетила мэрию, где познакомилась с заведующей отделом социального развития меньшинств, которой нагадала скорое замужество и бесплатную стиральную машину. Городской голова, брат заведующей, по ее рекомендации подписал указ о создании муниципального агентства путешествий. Таким образом, Дайнур стала руководить новой службой, а затем и выпускать рекламный журнал "Лазурь и Вымя".

Рассуждая о нуждах города, Дайнур в одной из редакторских колонок предложила согражданам перекрасить дома в разные цвета и разрисовать фасады сценами из жизни, о которой внутри стен мечтали хозяева. Необычный проект должен был привлечь туристов и, таким образом, наполнить городскую казну средствами для возведения нового общественного коровника.

Результаты превзошли ожидания. За пять месяцев город не только сумел построить новый коровник с мемориальной доской на фасаде в честь Исабель дель Прадо Гарсия, но и увеличил население на девяносто семь человек. Лазурное Вымя стремительно рос благодаря меньшинствам, облюбовавшим городок, в котором до них никому не было дела. К концу первого года цены на недвижимость увеличились на 24%, прирост населения достиг 568 человек. Из них процент этнических меньшинств возрос до 21,9%, из числа которых специфическое меньшинство составило большинство в 51,82%.

С притоком средств в городскую казну мэрия отменила налог на моносекс, введенный на одинокое население в пору экономического спада, разрешила бытовую рекламу на порносайтах и удвоила плату за вывоз мусора.

Местная фабрика игрушек, до недавних пор дышавшая на ладан, успешно освоила массовое производство фарфоровой группы под названием "С любимым на рассвете". Статуэтка представляла собой две мужские фигуры в желтых шортах, сидящие лицом друг к другу в голубом седле на спине коровы розового цвета, стоящей в завитках бирюзовых волн.

Именно такой сувенир Исабель дель Прадо Гарсия преподнесла Президенту и его второй Первой леди в Вушиконе, когда избиратели послали ее в Конгресс представлять разбухшее Лазурное Вымя.

— Я пришел проститься с вами, Профессор, и поблагодарить за совет и поддержку. Примите от меня том Монтеня с иллюстрациями Дали...

— Господин Сту... Виноват! По привычке... Хе-хе... Господин Магистр,

очень тронут. Жаль, что вы решили нас покинуть, но, как говорится, птенцы вырастают и летят прочь из гнезда. Как я понимаю, вы осели в самом привлекательном месте? Позвольте подлить вам ликеру?

— С большим удовольствием, Профессор. Вы правы, народ буквально помешался на Лазурном Вымени. И многим, надо сказать, повезло. После того как я год назад прочел статью в "Лазури и Вымени" о рассветах над городским коровником, меня постоянно одолевала мысль о переезде. Как наваждение, знаете?

— Понимаю вас, дорогой, понимаю... Я в молодости пережил подобное увлечение японской хурмой, но в итоге удержался от риска... Как видите, не прогадал... Хотя, кто его знает... Так вы теперь преподаете в тамошней школе?

— Не совсем, Профессор... Я, видите ли, поменял профессию.

— Поменяли? Вам же нравилось учительствовать? И школьники вас любили, как мне помнится...

— Ах, Профессор, при нынешней системе детям все равно, с кем не учиться...

— Чему же вы отдали предпочтение?

— О-о-о... Вы не поверите... В Лазурном Вымени открывается ресторан под названием "Утоленная страсть", и хозяин предложил мне войти в долю без капитала! Редкой щедрости человек!

— Погодите... погодите... Не ему ли принадлежит другой?..

— Совершенно верно, Профессор. Я как раз приехал по его вызову для отгрузки оборудования... Заодно и вас решил навестить.

— Ах, вот что... А ваши личные дела? У вас, я помню, была особая?..

— Была, Профессор... Теперь уже в прошлом... Филета переехала вслед за мной, но потом бездумно пригласила кузена, который обосновался в нашем доме на правах командира. Более того, он почему-то решил, что я обязан оплачивать его страсть к лотерейным билетам. С них-то и пошли трещины в наших отношениях...

— Стало быть, у вашей Филеты есть кузен?

— Да, Бодин... Станный человек... Нигде не работает... Целыми днями придумывает, что будет делать, когда выиграет... Причем минимальная сумма его фантазии составляет десять миллионов...

— Хм! Поразительно!.. Еще ликеру?

— Нет-нет... Благодарю вас, Профессор. Мне, пожалуй, пора двигаться. На всякий случай, оставлю мой номер телефона — вдруг надумаете посетить наши края. Так сразу ко мне... В городе уйма гостиниц, но снять но-

мер непросто, особенно теперь, когда отменили налог на моносекс. Настоящий бум! Приезжайте, буду искренне рад!

— Благодарю вас, мой дорогой. Может быть, когда-нибудь... Э-э... Кстати... Вам там не попался на глаза перстень... с двумя изумрудами?

— Где, господин Профессор?

— Ну, там... где был Монтень...

"Зико, тебя забыли даже те, у кого на груди вытатуировано твое имя, а новому поколению ты вообще не введена. Если бы не война в Арике, о тебе и не вспомнили бы. Старый пройдоха из "Дэйли Кукука" раскопал твое пророчество о сентябрьской трагедии и последующей войне... Мы только не уверены, та ли это война, которую предвидела ты, или же другая, которую списывают под твое предсказание. Политики воспринимают арикскую войну как спортивное состязание, требуя рекордов и вопя о малейших потерях...

Зико, ты однажды предрекла, что восстанешь из небытия, но не для того чтобы вернуться к прежнему, а чтобы уйти от "назойливого вымогательства". Но когда это будет? Мне так хотелось бы встретиться с тобой и обсудить несколько обещающих вариантов... Особенно раздражает, как другие умудряются нажать на тебе капителице даже в твое отсутствие.

После публикации в "Дэйли Кукука" телепрограмма Кэрри Линга пригласила Торибала на передачу о твоих пророчествах. Линг пожертвовал ему один из своих костюмов, чтобы подать гостя в приличном виде. Честно говоря, мы думали, оборванец опозорится при первом же ответе, но его толкования публике пришлись по душе. Кэри Линга засыпали телефонными звонками, а когда Торибал сказал, что ты не умирала, передаче пришлось остановить...

Сегодня уже никто не помнит, Зико, почему тебя решили закопать. Время остужает пыл. Даже катастрофа сегодня не вызывает прежнего возмущения. Напротив, нам старательно пытаются объяснить мотивы врагов. Оказывается, нас "проучили" за бесчувственность и высокомерие. Так что, Зико, ты была права насчет "бесполезности разума"...

Торибал привел твое пророчество о пастилинцах и риадинцах, в котором ты настаивала на том, что только массовое облучение может остановить их фанатизм. Его тут же обвинили в фашизме, но никто ни в чем не обвиняет пастилинцев, а риадинцев называют "друзьями".

Кстати, после телепередачи Торибал начал сбор денег на создание твоего мемориала. Теперь он ищет место для постройки храма и центра по

изучению твоего наследия. Только ведь, Зико, учения у тебя никакого не было... Разве не так? Скорее всего, он решил построить кормушку с твоим именем... Ну и что, что все эти годы он поливал цветы на твоей могиле? Отсюда вовсе не следует, что он должен стать главным жрецом. Я, между прочим, тоже шел за твоим гробом...

После кэрилингской передачи Торибала пригласили в Министерство Обороны для секретных консультаций. В голове не укладывается — этот чумазый дает советы Объединенному Штабу! Но самое любопытное произошло на Капитолийском Перевале, где он столкнулся с дель Прадо Гарсиа. Они, оказывается, были вместе еще при тебе, Зико... Одним словом, Торибалу и здесь повезло — конгрессвумен еще не замужем..."

В субботнем выпуске "Вушикон Стоп" публику заинтересовало сообщение о скандале в Конгрессе: "Исабель дель Прадо Гарсиа, представительница Лазурного Вымени, вынуждена была подать в отставку, после того как на встрече латянского кокуса в Конгрессе отказалась поддержать предложение сенатора Зуса Бастатонто о создании зон благоприятствования латянам, переползающим государственную границу в пустыне Мухабунга. Согласно предложению Бастатонто, через каждые две мили в пограничной зоне государство обязано было создать киоски с газировкой и бутербродами для ослабевших ползунов, а через каждые семь миль построить пункты первой легальной помощи, где ползуны могли бы ознакомиться со своими новыми правами и получить защиту от покушений риканского правительства на их свободы.

После того как Исабель дель Прадо Гарсиа назвала предложение сенатора безумством, присутствовавшие единодушно проголосовали за исключение представительницы Лазурного Вымени из кокуса и поддержали законопроект о благоприятствовании ползунам. В ответ Исабель дель Прадо Гарсиа беспомощно обвинила бывших коллег в предательстве национальных интересов".

Когда Исабель паковала чемоданы, по телефону позвонил Торибал и предложил ей выступить в его радиоток-шоу. Она, не задумываясь, отказалась: "Тем, кто меня поддерживает, объяснять нечего, а тем, кто меня обвиняет, — незачем".

Торибал хотел прилететь в Вушикон, чтобы помочь с переездом, но Исабель убедила его ничего не предпринимать. Они договорились свидеться в Лазурном Вымени.

В новом аэропорту Исабель встречали мэра, управляющий помещьем

и пес. Пока управляющий получал ее багаж, мэр рассказал Исабель о лотерейном выигрыше в десять миллионов, доставшемся безработному жителю Лазурного Вымени. Кто-то остановился рядом с ними и поклонился. Мэр приподнял шляпу и простер руку в сторону незнакомцев:

— Исабель, позволь представить тебе совладельца нового ресторана господина Серли Надану. Завтра мы встречаемся в его "Утоленной страсти" на банкете. Простите, не представляю вашего спутника, так как не имею чести...

— Виноват, господа! Мой университетский наставник, профессор Шанторан. Приехал в гости познакомиться, так сказать, с воплощением заветного... Госпожа дель Прадо, для нас будет огромной честью принять вас в "Утоленной страсти". Я надеюсь, что мы сможем доставить...

Серли Надану умолк от растерянности... Исабель и профессор Шанторан медленно, словно зачарованные, двигались навстречу друг другу. Через мгновение они обнялись. Исабель плакала, а профессор без конца целовал ее лицо, плечи и руки.

Когда управляющий подоспел с багажом, Исабель оторвалась от профессора и повернулась к спутникам:

— Господа, это мой брат, с которым я не виделась двенадцать лет...

Мэр поспешно пожал руку профессору. Исабель настояла, чтобы брат ехал к ней. Господин Надану понимающе кивал...

При выходе из здания их ожидала группа латынцев, которые дозировали свой гнев по команде толстого коротышки: латынцы сыпали проклятьями и размахивали плакатиками, на которых Исабель под кактусом жевала риканский флаг.

К счастью, сразу подкатил лимузин, и конфронтации удалось избежать. Ехали молча. Исабель не выпускала руку брата из своей ладони.

Машина неслась вдоль океана. Когда подъехали к Молочному Парку, вынуждены были остановиться из-за толпы, перекрывшей шоссе.

— В чем дело, Чарли? Почему здесь столько народу? — тревожно спросила Исабель мэра.

— Не волнуйся! Люди идут поклониться Зико. Они приписывают лотерейный выигрыш ее покровительству. Торибал не рассказывал тебе о проекте? Странно! Видишь на холме деревянный саркофаг?... Завтра Торибал прилетит прямо на банкет и объявит о строительстве храма... Слушай, наверно я не должен был говорить об этом? Может быть, он хотел, чтобы это было сюрпризом для тебя?

— Может быть...

Когда доехали до поместья, быстро распрощались, и машина с мэром укатила в город. Исабель не могла объяснить охватившего ее беспокойства... Ей казалось, что с океана доносится тревожный шепот... К тому же, пропал пес. Его искали, но не нашли... За ужином брат увлеченно рассказывал о своих приключениях в Веропе и смеялся собственным шуткам. Она была недовольна собой, слушала рассеянно и отвечала невпопад на его вопросы.

Ночью они проснулись от сильного землетрясения. На втором этаже упали напольные часы. По дому прокатился стон искалеченных струн... Затем еще один толчок. Раздался грохот падающих балок, звон битого стекла... Стены медленно поползли вниз... Здание содрогнулось и рухнуло...

Океан вышвырнул на берег многоэтажную волну, которая объяла сонный город и поволокла за собой в вечную темноту. Утром на зыбкой воде среди резиновых игрушек и обломков мебели качались резные доски саркофага...

На пустынном берегу обнаженная женщина со сросшимися бровями нашла тетрадь "Монологи магистра наук Серли Надану" и положила ее поверх ритуальной одежды, аккуратно сложенной на песке рядом с дремлющим псом. Когда солнце стало припекать, она подхватила "Монологи" и скрылась в тени за высоким валуном. Вслед за ней туда же подался пес.

Лос-Анджелес

